В.В. Тихонов

ИСТОРИКИ И СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ В 1920–1940-е гг.: ПАТРОНЫ И КЛИЕНТЫ

Впервые в отечественной историографии на основе широкого круга источников разбирается феномен отношений «патрон–клиент» и их проявление в советской исторической науке. Показываются конкретные примеры отношений «патрон–клиент», специфика этих отношений в советском обществе, их влияние на сообщество профессиональных историков, на развитие исторической науки.

Ключевые слова: советская власть, партия большевиков, историческая наука, научная дискуссия, историография, В.И. Ленин, В.М. Молотов, И.В. Сталин, А.И. Яковлев, И.И. Минц, Е.В. Тарле.

Советская историческая наука являлась частью советского общества и культуры. Одним из явлений, получивших в то время широкое распространение, стали отношения «патрон–клиент». В особенности это касалось мира ученых и работников свободных профессий. Крупные партийные деятели оказывали им поддержку, покровительствовали и помогали в трудную минуту. Феномен патроната возникает в условиях, когда другие социальные механизмы (юридические, бюрократические, политические и т. д.) работают неэффективно либо в одностороннем порядке, защищая интересы только государства и правящей элиты. Стоит отметить, что и в Российской империи такие отношения были не менее широко распространены. Ведущим деятелям искусства и культуры нередко покровительствовали сами члены императорской фамилии, да и не только они.

К сожалению, специальных работ, посвященных клиентилистским/патронажным отношениям в советском обществе, до сих пор

Работа подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых (проект № МК-2627.2013.6).

© Тихонов В.В., 2014

немного[1]. В частности, данной проблемы в общих чертах касалась Ш. Фицпатрик. По ее наблюдениям, «среди советской элиты патронажные отношения встречались на каждом шагу»[2]. Покровительство того или иного крупного чиновника над деятелем науки или культуры было взаимовыгодным: один получал опору во властных структурах, другой – неформальную, но не менее приятную славу мецената. В качестве покровителей людей творческих профессий выступали многие представители советской элиты. Достаточно вспомнить имена В.И. Ленина, А.В. Луначарского, И.В. Сталина, С.М. Кирова, Н.К. Крупской, М.И. Калинина. Как показали исследования, активно в роли патрона выступал и В.М. Молотов[3].

Часто представители интеллектуальной элиты выступали в роли просителей перед перечисленными выше партийными деятелями. Ш. Фицпатрик разделяет просьбы клиентов на три категории: «1) о каких-либо благах и услугах; 2) о защите; 3) о вмешательстве в профессиональные споры»[4]. В системе отношений «патрон–клиент» складывалась и собственная иерархия. Так, можно выделить патронов высшего уровня, к которым относились ведущие партийные и государственные деятели, и патронов среднего уровня – чиновников и общественных деятелей рангом ниже. «Патроны среднего уровня сами являлись клиентами, чья эффективность как патронов часто зависела от доступа к их собственным патронам наверху»[5]. В анализе взаимоотношений клиента и патрона важно учитывать и то, что статус самого патрона был не всегда устойчив: он мог подняться по служебной лестнице, а мог и потерять все влияние.

Очевидно, что специфические социальные отношения, сложившиеся в 1920–1940-е гг., пронизывали и среду профессиональных историков вне зависимости от их квалификации, статуса и отношения к власти. Конечно же, историки не являлись самыми желанными объектами для патронирования: деятели искусства были куда более популярны. Но и среди историков это явление наблюдалось. Изучать феномен патроната крайне сложно, поскольку отношения носили неформальный характер и, как правило, не афишировались. Тем не менее известны некоторые случаи.

Так, историк Алексей Иванович Яковлев (1878–1951), ученик В.О. Ключевского, крупный специалист по русской истории XVI–XVII вв., выходец из семьи известного чувашского просветителя И.Я. Яковлева, был хорошо знаком с В.И. Лениным и его братом Д.И. Ульяновым еще по симбирской гимназии. После прихода большевиков к власти он получил неофициальный статус «находящегося под покровительством Ленина»[6]. Пользуясь сво-

им положением, он многое сделал для помощи своим коллегам в годы Гражданской войны. Так, после ареста некоторых служащих Румянцевского музея, где тогда работал А.И. Яковлев, только его личное ходатайство к Ленину помогло их освободить. Вот как этот случай описывает другой историк, Ю.В. Готье: «Вчера были, между прочим, арестованы кадеты, собравшиеся в кадетском клубе: в том числе З.Н. Бочкарева и Юрьев, служащие в нашей Румянцевской библиотеке. Сегодня Яковлев был у Ленина для их освобождения и, кажется, добился успеха. Характерен разговор, который, как передал Яковлев, произошел между ними. Ленин: "Мы арестовали людей, которые будут нас вешать". Яковлев: "Не эти, а другие будут вас вешать". Ленин: "Кто же?". Яковлев: "Это я вам скажу, когда будете висеть"»[7].

Он неоднократно решал вопросы материального снабжения Румянцевского музея[8], помогал различным деятелям культуры. В частности, ему обязаны философ И.А. Ильин, которого благодаря настойчивым просьбам А.И. Яковлева выпустили из ЧК, а также друг – историк С.В. Бахрушин, освобожденный после личного ходатайства А.И. Яковлева перед В.И. Лениным[9]. Приходилось искать защиты и для собственного отца, который сталкивался с неприятностями в Симбирске[10].

О.М. Медушевская вспоминала, что в научной среде ходило своеобразное предание об одном разговоре В.И. Ленина и А.И. Яковлева. Якобы В.И. Ленин спросил у историка, к какой партии он принадлежит. Тот ответил, что ни к какой, но ближе всего ему идеи партии кадетов. «Какая жалость, – сказал Ленин, – я-то думал, что вы хотя бы социал-революционер!»

А.И. Яковлеву покровительствовал не только Ленин. В.М. Молотов помог А.И. Яковлеву с публикацией его монографии «Холопство и холопы в Московском государстве XVI–XVII вв.». Об этом сообщил сам ученый на совещании историков в ЦК ВКП(б) в 1944 г., где его ругали в том числе и за эту книгу: «Книга была представлена в Институт истории в готовом виде в конце 1934 года [ошибка: Институт истории СССР был создан в 1936 г. – *В. Т.*], как раз когда начались обвинения против Института истории, что он не дает исследовательских работ. Книга пролежала без всякого движения полностью 1939, 1940 год, причем рецензенты, которых Институт фактически по своему усмотрению выбирал, они высказались за напечатание этой книги. Рецензентами являлись академик Готье и академик Веселовский [ошибка: С.Б. Веселовский стал академиком в 1946 г. – *В. Т.*]. Два года пролежала эта работа в шкафу. Когда начался третий год и я увидел, что она пролежит 3 и 4 года,

я написал Вячеславу Михайловичу Молотову письмо. Он просил прислать текст книги. Я текст этой книги послал. Кто читал книгу, я не знаю, но они решили напечатать ее в 1941 году. Когда книга получила апробацию столь высокого источника, она была немедленно отправлена в набор, пройдя соответствующую рецензию при наборе»[11]. Очевидно, что выступавший не только сообщил присутствовавшим о предыстории появления его труда, но и недвусмысленно намекнул на особое покровительство высокого патрона.

А.И. Яковлев, как это уже было видно, пользуясь своими связями с власть имущими, сам нередко играл роль покровителя и помощника. Причем, учитывая время, в котором социальные роли резко поменялись, приходилось покровительствовать и тем, кто еще недавно сами являлись его учителями в науке и могли оказать покровительство. Так, именно Яковлев, пользуясь своими связями, хлопотал за то, чтобы его учителю, академику М.К. Любавскому, находившемуся после «Академического дела» в ссылке в Уфе, разрешили вернуться в Москву[12]. Но все хлопоты оказались тщетными.

Широко известно, что покровителем академика Евгения Викторовича Тарле (1875–1955) выступал сам И.В. Сталин. Это придавало ученому особый вес в глазах общественности. Историк, прошедший через «Академическое дело», ссылку и травлю в печати, дорожил таким покровительством, платя ему блистательными работами, игравшими не последнюю роль в формировании нужной идеологии. Среди историков ходили злые слухи о том, что якобы Тарле говорил: «Сказали бы, что танцевать»[13].

Впрочем, не стоит забывать, что нередко «вождь народов» играл со своим «придворным историком» в жестокие игры. Так, в 1951 г. в журнале «Большевик» была опубликована статья директора Бородинского музея С.И. Кожухова, в которой он утверждал, что Е.В. Тарле принижает роль Кутузова в Отечественной войне 1812 г. Е.В. Тарле написал Сталину письмо с просьбой посодействовать публикации ответа на обвинения. Сталин помог. В «Большевике» был опубликован ответ, но в редакционной заметке указывалось, что в дальнейшем историк исправит допущенные ошибки. Вероятнее всего, вся эта история была инициирована самим Сталиным[14].

Сталин покровительствовал и старейшему историку России Роберту Юрьевичу Виппери (1858–1954). По наблюдениям Б.С. Илизарова, Виппер был самым любимым историком вождя[15]. В особенности ему импонировала его монография «Иван Грозный», вышедшая в 1922 г. В ней Грозный был показан великим правителем, который возглавлял крупнейшую державу своего времени. После прихода большевиков к власти историк эмигриро-

вал в Латвию. После ее присоединения к СССР, по свидетельству историографа Б.Г. Сафронова, лично знавшего знаменитого историка, к Випперу была выслана делегация во главе с Е.М. Ярославским: «В Россию он вернулся, получив гарантию, что его не тронут за нападки на Советскую власть»[16]. Ученому было сообщено, что Сталин восхищается его книгой, и ему были обещаны всяческие блага. В 1943 г. его избрали академиком АН СССР. Его старые монографии об Иване Грозном были немедленно переизданы в переработанном виде, послужив основой для переосмысления роли царя в русской истории. Официальная кампания по «реабилитации» Ивана Грозного началась как раз с переездом Виппера в СССР, и это не случайность[17].

С феноменом патроната мы имеем дело и в случае с противоборством между Б.Д. Грековым и сторонниками концепции рабовладельческого характера социально-экономического строя в Древней Руси[18]. В исторической науке против всесильного Б.Д. Грекова открыто выступать не решались, поскольку академик мог повлиять на судьбу любого историка, в особенности сотрудника академических институтов исторического профиля, поэтому такая оппозиционная группа возникла среди историков-юристов. В нее входили Серафим Владимирович Юшков (1888–1952), Борис Иванович Сыромятников (1874–1947) и Серафим Александрович Покровский (1905–?), работавшие в Институте государства и права АН СССР. Чувствовать себя в полной безопасности им позволяло то, что институт возглавлял А.Я. Вышинский, который, очевидно, мог защитить их от влиятельного противника (на это намекала еще Н.А. Горская[19]).

Нельзя, правда, сказать, что все трое отличались повышенной научной принципиальностью и человеческим благородством. Юшков, автор оригинальных исследований в области истории Древнерусского государства и права, имел тяжелый и склочный характер. Историк Е.Н. Кушева так охарактеризовала его: «В общем он был неудачником, и это очень отразилось на его характере (или неудачи были связаны с его характером)»[20].

Юрист С.А. Покровский в свое время прославился тем, что в 1927 г. Сталин написал гневную отповедь в его адрес, назвав «нахальным невеждой»[21]. Все же, несмотря на арест в 1934 г., он к концу 1930-х гг. стал довольно заметной и даже скандальной фигурой в среде, связанной с исторической наукой. Былые прегрешения заставляли постоянно демонстрировать повышенную идейную бдительность. А.А. Зимин называет его в своих воспоминаниях «гангстером пера» и «подонком»[22]. Его неоднократно обвиняли в доносительстве[23].

Б.И. Сыромяников, историк-юрист с дореволюционным стажем, активный участник либерально-просветительского движения начала XX в., после революции нередко шел на компромиссы с властью, приспосабливался[24].

Именно они некоторое время играли роль единственного оппозиционного центра Грекову и его концепции. Греков также всеми силами стремился дискредитировать ненавистных ему «рабовладельцев». Даже после смерти Б.И. Сыромятникова (ум. в 1947 г.) в годы борьбы с космополитизмом (1949–1950 гг.) он обвинял историка-юриста в непатриотической позиции, дискредитируя тем самым его концепцию[25].

Примером сложных отношений патронажа является и случай с известным историком и социологом Б.Ф. Поршневым. Стоит предварительно сказать, что у Поршнева сложились крайне тяжелые отношения со многими представителями сообщества советских медиевистов. Произошло это по разным причинам. Одни не могли ему простить чрезмерного увлечения абстрактными теориями и пренебрежительного отношения к коллегам, которых он называл «крохоборами»[26], другие видели в нем конкурента в борьбе за лидерство[27]. В 1950 г. за книгу «Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648)» (М.; Л., 1948) ему присудили Сталинскую премию 3-й степени. Учитывая, что медиевисты и специалисты по раннему Новому времени получали Сталинские премии крайне редко, это позволяло ему претендовать на особое положение в их среде. Одно время он даже заведовал сектором Новой истории Института истории АН СССР, при этом будучи специалистом по более раннему периоду. Очевидно, из-за амбиций он вступил в конфликт с секретарем партийной организации Института истории Н.А. Сидоровой, женщиной крайне властолюбивой[28]. По каким-то причинам не сложились у него отношения и с заместителем директора, антиковедом С.Л. Утченко. Против Поршнева организовывались постоянные внутриинститутские кампании, его обвинили в том, что он развалил работу вверенного ему сектора[29]. 10 января 1952 г. комиссия, возглавляемая старым большевиком А.П. Кучкиным, вынесла свой вердикт: «Освободить Б.Ф. Поршнева от заведывания сектором, как явно не справившегося со своими обязанностями»[30]. Ему предложили уйти из института по собственному желанию. Он даже подал заявление об уходе в связи с переутомлением. И именно тут Поршнев постарался ввести в игру имеющиеся у него связи, точнее пригрозить возможностью их использования.

Подробности неординарного события в жизни института можно обнаружить в письме С.Л. Утченко, написанном на имя влия-

тельного А.М. Митина, занимавшего тогда пост заведующего сектором Отдела науки и высших учебных заведений ЦК ВКП(б). В нем он утверждал, что Поршнев, явившись к нему, заявил, что он передумал уходить из института и хотел бы включить в его план работы свою монографию, посвященную Тридцатилетней войне[31]. Естественно, Утченко сослался на работу комиссии, которая проверяла сектор Поршнева, заявив, что без ее выводов он решать вопрос не может. Очевидно, что заместитель директора лукавил. Комиссия уже дала негативное заключение, так что итог был ему заранее известен. Далее события развивались следующим образом: «После этого Б.Ф. Поршнев вышел, но через несколько минут вернулся и в присутствии сотрудника т. Тифлисовой А.Д., которая в это время находилась в комнате, заявил: "Очевидно следует сказать все до конца. Советую Вам еще раз подумать над предложением, т. к. оно исходит от Александра Максимовича Митина"»[32].

Итак, Поршнев попытался задействовать своего патрона, точнее его авторитетное имя. Теперь нельзя однозначно сказать, был ли это блеф или действительно Митин покровительствовал историку. Тем не менее Утченко принял единственно верное решение в данной ситуации. Уже на следующий день он послал письмо самому Митину с изложением сути дела. В нем он сознательно напирал на то, что Поршнев распространяет «нелепые слухи» о своих особых отношениях с Митиным. Кроме того, «обращаю Ваше внимание на то, что эти методы шантажа и мистификации со ссылками на мнение ответственных работников ЦК ВКП(б) являются определенной системой поведения Поршнева»[33]. Так, по словам Утченко, Поршнев повел себя неправильно, заявив на открытом партийном собрании, что против него идет спланированная травля. «Это выступление вызвало единодушное возмущение коммунистов и беспартийных. Тем не менее, лично мне Поршнев говорил, что это его выступление было "психологически подготовлено" беседой с Ю.А. Ждановым [сын А.А. Жданова; в 1950–1952 гг. занимал ответственные посты в системе Агитпропа ЦК КПСС. – *В. Т.*]...»[34], – сообщает автор письма. В заключение письма Утченко резко осудил Поршнева, давая понять высокопоставленному адресату, что эта фигура крайне нежелательна в институте: «Б.Ф. Поршнев, как человек сильно скомпрометированный, – а он скомпрометирован и как научный работник, и как руководитель сектора, – делает попытку спасти свою репутацию и потому с одной стороны стремится любой ценой очернить и оклеветать Институт и отдельных его работников, а с другой стороны пытается мистифицировать общественное мнение в самом

Институте безответственными ссылками на высказывания работников Отдела науки ЦК ВКП(б)»[35].

Серьезный конфликт был решен на самом верху. В служебной записке, направленной Г.М. Маленкову и составленной сотрудниками Агитпропа А.М. Митиным, Г. Кавериным и М.Д. Яковлевым, указывалось, что решение о снятии Поршнева с должности заведующего сектором является в целом верным, но при этом его оставили в должности старшего научного сотрудника[36].

История Б.Ф. Поршнева – это яркий пример не только существования феномена патроната, но и механизмов его функционирования. Возникает естественный вопрос: были ли заявления Поршнева блефом или действительно он пользовался реальным покровительством? Думается, что заявления Поршнева были правдивы. Об этом свидетельствует и то, что в конце концов он все же был оставлен в институте, т. е. был найден определенный компромисс, а он вышел из истории с меньшими потерями, чем мог. Но почему же тогда Митин не защитил своего протеже? Дело в том, что Поршнев нарушил главное требование отношений «патрон–клиент»: он публично хвастался своими особыми связями, тем самым подставляя своего покровителя под удар, поскольку тот должен был в силу положения оставаться над схваткой и не иметь личных симпатий. Поршневу следовало бы напрямую обратиться к своему патрону, тогда скорее всего решение дела было бы значительно проще.

Выше уже говорилось, что «патрон-клиентские» отношения выстраивали иерархию патронов и клиентов. До этого описывались взаимоотношения историков с представителями высших эшелонов власти, теперь рассмотрим случаи патронирования внутри самого сообщества профессиональных историков.

Наиболее ярким примером является И.И. Минц (1896–1991). Исаак Израильевич имел тесные связи с верхушкой большевистской партии. Такие отношения возникли не на пустом месте. Еще в годы Гражданской войны он служил в коннице Буденного, дружил с Ворошиловым, был знаком с Горьким. В мирное время такие связи очень помогали. Идеологам он был нужен для научного обоснования верной интерпретации советской истории. Минц внимательно следил за конъюнктурой и нередко предчувствовал ее повороты. Академик Ю.А. Поляков охарактеризовал его следующим образом: «Минц больше чем кто-либо другой выражал веяния эпохи, всегда следуя линии Коммунистической партии и успешно поворачиваясь в соответствии с ее поворотами»[37]. Будучи с 1931 г. ответственным секретарем Главной редакции «Истории Гражданской войны в СССР», он часто встречался со Стали-

ным. В 1942 и 1945 гг. Минц был удостоен Сталинской премии, в 1946 г. стал академиком АН СССР.

К 1940-м гг. И.И. Минц занимал практически монопольное положение в изучении истории советского общества. Он возглавлял наиболее крупные исследовательские проекты, авторские коллективы учебных пособий, заведовал кафедрами сразу в нескольких ведущих образовательных учреждениях. Его ученики (среди них наиболее заметную роль играли Е.Н. Городецкий, Э.Б. Генкина, И.М. Разгон) вели занятия по истории советского периода во всех престижных вузах Советского Союза. Сложилась своеобразная пирамида, на вершине которой находился Минц, ставивший на все ключевые места своих учеников и близких сотрудников.

Очевидно, что в случае с Минцем мы имеем дело с выстроенной лестницей «патрон-клиентских» отношений. Сам Минц имел покровителей в верхушке партии, в свою очередь, он создавал систему зависимых от него людей и своих учеников в важнейшей для того времени области исторических исследований – истории советского общества.

Но фигура Минца – это еще и наглядный пример того, что патрон мог в любой момент оказаться в немилости, и тогда вся система рушилась. В годы борьбы против «буржуазного объективизма» и «безродного космополитизма» историк, в том числе и как представитель еврейской национальности, оказался под ударом, лишился ключевых постов и на некоторое время вынужден был уйти в тень. Кстати, разгром «группы Минца» возглавил историк А.Л. Сидоров, который также сформировал вокруг себя группу зависимых от него «клиентов»[38]. Во время погромных собраний 1949 г. он обвинял Минца в том числе и в том, что тот сплотил вокруг себя группу единомышленников и учеников, которые монополизировали изучение и преподавание советской истории, превратив своего учителя в «непогрешимый авторитет в вопросах советской истории». «Результатом такой активности, – утверждал А.Л. Сидоров, – была полная бездеятельность в многочисленных учреждениях и бесплодие в научной работе...»[39]. Впрочем, спустя годы Минц постепенно начал возвращать утраченные позиции. И вновь не обошлось без связей и патроната: «Все 1950-е годы Минц лишь поднимался с колен... Но шаг за шагом, используя связи с П.Н. Поспеловым, Б.Н. Пономаревым, М.Б. Митиным, Г.Ф. Александровым... контакты с министрами и другими видными партийными и государственными чиновниками, Минц начал выходить из опалы»[40].

Стоит отметить, что в данном случае примеры можно множить: практически вокруг каждого крупного ученого складывалась си-

стема патронажных взаимосвязей. Кто-то ее формировал целенаправленно, где-то она возникала естественным путем. Таким образом, отношения «патрон – клиент» имели место и в среде советских историков середины XX в., являясь частью взаимоотношений номенклатуры и интеллигенции. Широко такие отношения были распространены в национальных республиках, где местные партийные функционеры тесно были связаны с интеллектуальной элитой. Например, покровителем известного казахского историка Е.Б. Бекмаханова являлся первый секретарь ЦК ВКП(б) Казахстана М. Абдыкалыков[41].

В случаях с историками необходимо учитывать и еще одно явление. Дело в том, что историческая наука признавалась важнейшим участком идеологического фронта, а выпускники исторических факультетов часто оказывались на партийной работе. Их охотно использовали в учреждениях, ответственных за идеологию. Часто карьерная траектория менялась и партфункционеры возвращались в науку. Но связи оставались. Поэтому в случае с историками (думаю, мы вправе распространять это наблюдение на все гуманитарные и общественные дисциплины) можно наблюдать феномен «сращивания» профессионального сообщества и партийной элиты. Это явление требует специального изучения и осмысления.

Примечания

1 См.: *Rigby T.H.* Political Elites in the USSR: Central Leaders and Local Cadres from Lenin to Gorbachev. Aldershot, 1990; *Gill G.* The origins of the Stalinist Political System. Cambridge, 1990. P. 315–316; *Kaplan V.* Weathering the Revolution: Patronage as a Strategy of Survival // Revolutionary Russia. Vol. 26. 2013. №. 2. P. 97–127.

2 См.: *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски!: Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011. С. 210; *Она же.* Повседневный сталинизм: Социальная история Советской России в 1930-е годы: город. М., 2008. С. 134.

3 *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! С. 215.

4 Там же. С. 217.

5 Там же. С. 227.

6 *Тихонов В.В.* Московские историки первой половины XX века: Научное творчество Ю.В. Готье, С.Б. Веселовского, А.И. Яковлева и С.В. Бахрушина. М., 2012. С. 217–220.

7 *Готье Ю.В.* Мои заметки. М., 1997. С. 158.

8 *Коваль Л.М.* Князь В.Д. Голицын и Румянцевский музей. М., 2007. С. 231.

9 *Александров Г.А.* Алексей Иванович Яковлев – историк, археограф, педагог // Вопросы истории. 2003. № 8. С. 154.

[10] *Александров Г.А.* Жизнь и деятельность И.Я. Яковлева в документах архивов и библиотек: 1917–1919 гг. // Отечественные архивы. 2009. № 2. С. 66–70.

[11] *Юрганов А.Л.* Русское национальное государство: Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М., 2011. С. 381–382.

[12] Последние годы жизни академика М.К. Любавского: письма М.К. Любавского А.И. Яковлеву // История и историки: историографический вестник. 2008. М., 2010. С. 391–404.

[13] *Генелин Р.Ш.* Советские историки: о чем они говорили между собой: Страницы воспоминаний о 1940-х – 1970-х годах. СПб., 2006. С. 15.

[14] См.: *Троицкий Н.А.* Евгений Викторович Тарле // Историки России: Биографии. М., 2001. С. 535–536; *Чапкевич Е.И.* Евгений Викторович Тарле // Портреты историков: Время и судьбы. Т. 2. Всеобщая история. М.; Иерусалим, 2000. С. 330–331.

[15] *Илизаров Б.С.* Тайная жизнь Сталина: По материалам его библиотеки и архива: К историософии сталинизма. 4-е изд. М., 2012. С. 52.

[16] *Илизаров Б.С.* «От книги проф. Виппера об Иване Грозном можно ожидать многого» // Историк в России: Между прошлым и будущим: Статьи и воспоминания. М., 2012. С. 555.

[17] *Perrie M.* The cult of Ivan the Terrible in Stalin's Russia. N. Y., 2001. P. 85, 92–99.

[18] См.: *Тихонов В.В.* Историк «старой школы»: научная биография Б.И. Сыромятникова. Pisa, 2008. С. 95–110; *Он же.* Забытые страницы советской историографии: дискуссия Б.Д. Грекова и Б.И. Сыромятникова о характере социально-экономического строя Киевской Руси // Исторический ежегодник – 2012. Новосибирск, 2012. С. 34–45.

[19] *Горская Н.А.* Борис Дмитриевич Греков. М., 1999. С. 122.

[20] Е.Н. Кушева – Б.А. Романову, 4 сентября 1952 г. // Екатерина Николаевна Кушева – Борис Александрович Романов. Переписка 1940–1957 годов. СПб., 2010. С. 266.

[21] *Сталин И.* О лозунге диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства в период подготовки Октября. Ответ тов. С. Покровскому // Вопросы ленинизма. 9-е изд. М., 1933. С. 255–262.

[22] Александр Александрович Зимин. М., 2005. С. 43, 70.

[23] *Генелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 96.

[24] *Тихонов В.В.* Историк «старой школы».

[25] Архив РАН (АРАН). Ф. 1577 (Институт истории АН СССР). Оп. 2. Д. 207. Л. 2.

[26] *Гуревич А.Я.* История историка. М., 2004. С. 25.

[27] См.: *Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н.* Б.Ф. Поршнев – интерпретатор французского абсолютизма // Французский ежегодник 2005. М., 2005. С. 72–89; *Они же.* Б.Ф. Поршнев в дискуссии о роли классовой борьбы в истории (1948–1953) // Французский ежегодник 2007. М., 2007. С. 34–54.

[28] См.: *Гуревич А.Я.* Указ. соч. С. 40; *Стам С.М.* Моя жизнь, друзья и наука // Средневековый город. Вып. 17. Саратов, 2006. С. 59.

[29] Научный архив ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 784.
[30] Там же. Л. 48 об.
[31] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 220. Л. 34.
[32] Там же.
[33] Там же.
[34] Там же. Л. 34 об.
[35] Там же.
[36] Там же. Л. 64.
[37] *Поляков Ю.А.* Ровесник эпохи // Отечественная история. 2004. № 4. С. 144–152.
[38] См.: *Некрич А.М.* Поход против «космополитов» в МГУ // Континент. 1981. № 28. С. 304–305; *Тихонов В.В.* «...Забить последний гвоздь в крышку политического гроба Исаака Минца и его прихвостней»: разгром «группы» историка И.И. Минца в годы идеологических кампаний «позднего сталинизма» // «NB: Исторические исследования»: Электронный журнал. 2013 № 2 (http://e-notabene.ru/hr/article_701.html); *Иоффе Г.* Как я был «безродным космополитом» // Новый исторический вестник. 2010. № 3 (25). С. 99–100.
[39] АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 207. Л. 23.
[40] *Поляков Ю.А.* Минувшее. Фрагменты: (Воспоминания историка). Кн. 2. М., 2011. С. 130.
[41] *Сарсеке М.* Бекмаханов. М., 2010. С. 171.